

Веч. клуб. — 2004 — 5 февр. — с. 29

С 12-го по 15 февраля в одном из подмосковных пансионатов пройдет ежегодная литературная конференция «Роскон», в которой примут участие самые известные писатели-фантасты, как отечественные, так и зарубежные. Среди участников и гостей форума такие популярные авторы, как Олди, Василий Головачев, Олег Дивов, Андрей Валентинов, Вадим Панов и многие, многие другие. В течение нескольких дней писатели будут общаться, посещать и проводить мастер-классы, обсуждать произведения коллег и просто отдыхать.

«Мы приезжаем на эту конференцию уже несколько лет, — говорят Дмитрий Громов и Олег Ладыженский (Олди). — С самого первого «Роскона» нас, кроме всего прочего, приглашают вести мастер-классы для начинающих авторов, что мы с удовольствием и делаем. Разумеется, «научить писать» таким образом нельзя, но дать кое-какие дельные советы, указать на наиболее характерные ошибки и огрехи вполне можно». Как сообщили организаторы «Роскона», в рамках конференции состоится вручение сразу нескольких премий:

«Фантаст года», «Алиса» и «Роскон».

В этом году среди претендентов на звание «Фантаст года» — Макс Фрай, Александр Бушков, Василий Головачев (кстати, именно он стал лучшим автором этого жанра по итогам 2002-го), Роман Злотников, Юрий Никитин, Мария Семенова, Николай Перумов и другие. На премию «Алиса» смогут претендовать более юные авторы фантастики и фэнтези. Награду «Роскон» присуждают по итогам голосования всех участников и гостей форума — за лучший роман, повесть или рассказ года.

НИК ПЕРУМОВ:

МАГ ПРОДОЛЖАЕТ БИТВУ

Одним из главных событий «Роскона-2004» станет представление новой книги Ника Перумова «Война Мага. Миттельшпиль». К сожалению, приехать писатель не сможет. Однако организаторы решили и эту проблему: впервые за четыре года существования «Роскона» будет проведен телемост. Нашему корреспонденту удалось связаться с Ником.

— Поклонникам пришлось ждать второй части «Войны Мага» почти год...

— Ни одна книга не писалась так трудно, как «Война Мага». Никогда ещё в отвалы не уходило столько текста. Никогда я ещё не менял настолько круто сюжет по ходу написания. Всё это ужасно нервнует и замедляет работу. В какой-то момент наступил кризис. Я с огромным трудом выжимал из себя по несколько строчек в день. Ткань повествования стала расплываться, заранее придуманные ходы разваливались, ситуации казались нелепыми. Половину написанного пришлось выбросить. Я сделал перерыв, дописал другую повесть и лишь потом работа над «Миттельшпилем» пошла.

— Ник, как на ваш взгляд, будут развиваться дальше фантастика и фэнтези?

— Сказке и мифу предрекали гибель множество раз. На пьедестал возносились критические реализмы или постмодернизмы, но литературная, авторская сказка, принимая разные формы и обличья, нигде не исчезала. Российская фэнтези, сняв первый, самый доступный слой сюжетов, мыслей и образов, как мне представляется,

замерла, накапливая силы для нового рывка. Представляется непаханной целиной славянская фэнтези, несмотря на довольно большое количество книг, вышедших в этом поджанре. Только начинает разрабатываться наша городская фэнтези, и, конечно, ещё не сказано — и не будет сказано никогда! — последнее слово в фэнтези героической, где действие разворачивается в иных мирах.

— Вы как-то сказали, что все фантасты вышли из шинели Стругацких, и дело лишь в том, куда они потом направились. В какую сторону направились вы?

— «Шинель Стругацких» — весьма ёмкое понятие. Действительно, практически все ныне пишущие и печатающиеся из фантастики в семидесятые-восемидесятые читали прежде всего братьев Струга-

цких. Не только их, конечно, но Стругацкие были флагманами «новой фантастики», они едва ли не первые дерзнули писать не о телеуправляемых тракторах и кознях злых буржуинов, а об «обычных людях в необычных обстоятельствах». И вот именно эти «необычные обстоятельства» и определяют, в какую сторону «направляется» фантаст. Кто-то строит строго научные модели возможного будущего и шарахается от магии, как от чумы. Кто-то, напротив, создает совершенно невероятные и невозможные со строго научной точки зрения миры, но, поскольку там нет сакраментальных «эльфов, гномов, и драконов», подобное считается научной фантастикой. Хотя, повторяю, науки там ни на грош.

Мне лично всегда не хватало в советской (да и зарубежной) фантастике семидесятых ощущения сказки, отрыва от реальности, противопоставления человека и надчеловеческих, божественных сил. Оставался не востребуемый, с моей точки зрения, богатейший потенциал легенды и мифа — а ведь именно этот язык первым избрало человечество для отображения волновавших поколения моральных дилемм. Я сам начинал с фантастики — пытался подражать Лему и тем же Стругацким. Пока не попробовал «на вкус» фэнтези и не понял — это моё! Так что, отвечая на вопрос «камо грядеши?», могу сказать: направились в сторону всё-таки фэнтези, литературной сказки, где автор ничем не скован, кроме поставленных им самим условий.

Беседовала
Александра ОНОПРИЕНКО